

СОЦИОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

DOI: 10.17805/zpu.2020.1.6

Самоидентичность в социологии Э. Гидденса как рефлексивный проект индивида в категориях биографии

А. И. КОВАЛЕВА, Н. А. ПЕРИНСКАЯ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматривается социологический анализ Э. Гидденса проблемы самоидентичности личности в контексте современности. Социолог обосновал ряд важных теоретических положений, усиливших способности теоретической социологии рефлексивно концептуализировать объективные социальные процессы. Он сформулировал логические основания для осмысления сущности взаимосвязей современного общества, сокращая концептуальный водораздел между социальным субъектом и социальным объектом.

К основным факторам динамизма современности отнесены разделение пространства и времени, действие «высвобождающих механизмов» и институциональная рефлексивность. Гидденс определил самоидентичность как рефлексивный проект индивида в категориях биографии и сформулировал экзистенциальные и нравственные дилеммы «Я» позднего модерна (унификация и фрагментация, бессилие и контроль, авторитет и неопределенность, индивидуальные и товарно-потребительские формы опыта).

Ключевые слова: социальная идентичность; самоидентичность; личность; индивид; рефлексивный проект; социальный институт; социальная норма; современность; Э. Гидденс

ВВЕДЕНИЕ

Автор оригинальной социологической теории — теории структуриации Э. Гидденс переработал основные положения социологического анализа и представил свои новые правила социологического метода. Он обосновал процессуальное понимание социальной структуры с позиций ее двойственности. Гидденс отмеживался от структурализма, отрицая статичное понимание социальной структуры. Он не соглашался, по крайней мере, с четырьмя ключевыми моментами социальной теории. Один из них связан со сведением всей человеческой деятельности к интернализации ценностей. «Второй момент: сопутствующая этому неспособность толковать социальную жизнь как *активно конструируемую* поступками членов общества» (Гидденс, 2002: 292; курсив источника. — А. К., Н. П.). Третий момент социальной теории, с которым не соглашался Гидденс, — это рассмотрение власти лишь как вторичного явления, признание нормы или «ценности» одной-единственной, самой основополагающей характеристикой социальной активности. Четвертый момент, критикуемый Гидденсом, отражает неспособность поставить в центр концептуального внимания договорной

характер норм, открытых для различающихся и конфликтующих «интерпретаций» в соответствии с различными и конфликтующими интересами в обществе (Гидденс, 2002).

Гидденс обосновал ряд важных теоретических положений, усиливших способности теоретической социологии рефлексивно концептуализировать объективные социальные процессы современности. Как признал В. А. Ядов, Гидденсу внес крупный вклад в разработку теории неинституционализма, согласно которой «социальные институты призваны адекватно реагировать на общественные изменения, так что нормы и правила социальных взаимодействий формируются применительно к интересам и потребностям взаимодействующих субъектов, причем в качестве институционализированных рассматриваются и неформальные правила» (Ядов, 2003: 210).

Обоснованные Гидденсом новые правила социологического метода выполнены не путем синтеза параллельных течений социологической мысли, различия которых он видел не в разделении на микро- и макросоциологию. Прежде всего он сформулировал проблему, пресекающую подобные разделения. Суть этой проблемы состоит в соотношении между конституированием (или, как он говорил, производством и воспроизводством) общества действующими лицами, с одной стороны, и конституированием этих действующих лиц обществом, членами которого они являются, — с другой (Гидденс, 2002: 291–293). Гидденс сформулировал надежные логические основания для осмысления сущности взаимосвязей современного общества, сокращая концептуальный водораздел между социальным субъектом и социальным объектом.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНОГО «Я» В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИЗМА СОВРЕМЕННОСТИ

Заимствуя модифицированный вариант психологической концепции «Эго», Гидденс связывает его с повседневной социальной деятельностью, отражающей рутинный (обыденный, монотонный, привычный) характер повседневной жизни. Повторяемость действий, воспроизводимых в одинаковой манере день за днем, составляет основу того, что он назвал рекурсивным (возвратным) характером социальной жизни, подразумевая, что структуральные свойства социальной деятельности постоянно восстанавливаются (Гидденс, 2003: 18). Согласно теории Гидденса, предметом социальных наук являются не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени. При этом обращается внимание на цикличность социальных действий, которые самовоспроизводятся подобно природным явлениям. Социальные действия не создаются социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводятся ими, причем теми же самыми способами, посредством которых люди реализуют себя как акторы. Целостная последовательность практик предполагает рефлексивность, основанную на непрерывном мониторинге деятельности. Это рутинная функция повседневной жизни, состоящая в непрерывном контроле деятельности, осуществляемом самими индивидами и окружающими их людьми (там же: 40–41).

Рассматривая термин «современность» в самом широком контексте, Гидденс обращает внимание на особенности «высокоразвитой» или «поздней» современности на пороге XXI в. Современный мир убеждает: ускоряется не только темп перемен, но и расширяется радиус изменений и их влияния на повседневные практики и социальное поведение. Гидденс выделяет *три фактора динамизма современности: разделе-*

ние пространства и времени, действие «высвобождающих механизмов» и институциональная рефлексивность.

Разделение пространства и времени признается необходимым условием делокализации социальных действий. Социальные действия извлекаются из конкретного контекста и свободно перемещаются в широких пространственно-временных рамках. То же происходит и с социальными отношениями, реализуемыми в новых комбинациях и в неограниченных пространственно-временных интервалах. Все это сказывается на делокализации социальных институтов и громадном ускорении пространственно-временного дистанцирования (Giddens, 2001: 21–24).

Процессы делокализации осуществляются с помощью *«высвобождающихся механизмов»*. Гидденс уточняет, что «высвобождающиеся механизмы» или абстрактные системы включают экспертное знание и «символические знаки». Экспертное знание содержит совокупность различных сведений и стандартов современной социальной жизни во всех ее проявлениях. «Символические знаки» определяются как средства социального обмена, обладающие социальной ценностью и взаимозаменяемостью. Действие «высвобождающихся механизмов» или абстрактных систем сказывается на повседневной социальной практике, которая утрачивает традиционное содержание. Социальная жизнь отрывается от признанных образцов и устоявшихся практик (там же: 27–29).

Третий фактор динамизма современности Гидденс определяет как *институциональная рефлексивность*. Она не является той самой рефлексией, что и свойственный всякой активности людей контроль действий. Институциональная рефлексивность представляет собой «упорядоченное использование знаний об условиях социальной жизни в качестве составного элемента ее организации и преобразования» (там же: 30). Это означает, что социальным наукам отводится ключевая роль в процессе рефлексивности современности.

Рассмотренные выше положения социологии Гидденса имели принципиальное значение для выстраивания его теории идентичности в контексте динамизма современности.

В отношении понятия социальной идентичности рассуждения Гидденса связаны прежде всего с тем, что представляет собой личность. Поскольку личность видится ему достаточно аморфным образованием, ее идентичности придается особое значение и подчеркивается существенное отличие такой идентичности от результатов идентификации вещей и предметов. *Суть идентичности личности в том, что она предполагает рефлексивное сознание.* Она представляет собой то, что личностью осознается через выражение «самосознание». Другими словами, по Гидденсу, идентичность личности не является чем-то данным в качестве итога непрерывности ее жизнедеятельности. Она должна рутинно производиться и поддерживаться сознательно действующей личностью.

Для выделения механизмов идентичности в условиях современности Гидденс формулирует экзистенциальные вопросы, касающиеся основных параметров человеческой жизни, на которые «отвечает» каждый, кто «умеет жить» в социальной среде. Эти вопросы содержат онтологические и гносеологические элементы, среди которых следующие:

— *экзистенция и бытие*: природа экзистенции (как уникальности человеческого существования в нерасчлененной целостности объекта и субъекта), а также идентичность вещей и событий;

— *конечность человеческой жизни*: экзистенциальное противоречие, состоящее в том, что человеческие существа являются частью природы, но одновременно, являясь существами разумными и рефлексивными, не исчерпываются ею;

— *опыт других*: как личности интерпретируют свойства и действия других личностей;

— *непрерывность* идентичности: прочное ощущение бытия индивидом, связанное непрерывностью опыта собственного «я» и собственного тела (там же: 78).

Гидденс выделяет 10 характеристик «Я» как самоидентичности в условиях высокой современности. (1) Самоидентичность есть рефлексивный проект, за который отвечает сам индивид. Индивид становится тем, что сам из себя создаст. Означает это больше, чем попросту лучше познать самого себя. Каким станет индивид, зависит от его стараний в созидании себя как личности. (2) «Я» создает траекторию своего развития от прошлого к проектируемому будущему. Траектория самоидентичности складывается на основе осмысления различных этапов жизненного цикла. (3) Рефлексивность «Я» непрерывна и всеохватна. Рекомендуется, чтобы индивид в каждый момент с какой-то регулярностью отвечал себе на вопрос о том, что в данный момент делает и как можно использовать этот момент, чтобы себя изменить. (4) Целостность самоидентичности основывается на непрерывном биографическом повествовании. Независимо от того, написана автобиография или нет, она является сердцевинной самоидентичности индивида в современном обществе. (5) Самореализация предполагает владение временем на основе установления зон личного времени индивида, лишь отдаленно связанных с внешне установленными стандартами его фиксации. (6) Рефлексивность «Я» распространяется на тело. Оно не является только физическим предметом, которым человек «располагает». Оно является также системой поведения, источником практик и активной включенности индивида в повседневные взаимодействия, необходимыми для сохранения прочного ощущения собственной идентичности. (7) Самореализация требует равновесия шансов и рисков. Это достигается благодаря эмоциональному преодолению прошлого и осмысленному прогнозированию будущего. (8) Нравственной осью самореализации является аутентичность «Я» как «верность самому себе». Достижение этого связано с интерпретацией прежнего опыта и дифференциацией истинного и фальшивого «Я». (9) Жизненный цикл личности представляет собой последовательную смену этапов, прохождение которых индивидом не будет сопровождаться установленными правилами и ритуалами и осуществляется благодаря рефлексивной мобилизации траектории самоидентичности. (10) Развитие «Я» обладает самореферентностью. Целостность «Я», т. е. его аутентичность, достигается посредством интеграции жизненного опыта в контексте биографического повествования (там же: 105–111).

САМОИДЕНТИЧНОСТЬ КАК БИОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Важным положением теории Гидденса является то, что *идентичность личности не является характерной чертой личности и даже комплексом таких черт. Это «Я», понимаемое личностью в категориях биографии*. Идентичность предполагает также непрерывность во времени и пространстве, представляя собой при этом рефлексивную интерпретацию такой непрерывности со стороны личности. Для построения рефлексивного проекта индивида в категориях биографии важно понимание того, что значит быть «личностью». Быть «личностью» означает не только то, что она является рефлексивным актором, но также то, что она располагает этим по-

ниманием личности (как по отношению к себе самой, так и к другим). Разумеется, трактовка понятия «личность» обусловлена культурой, хотя определенные ее элементы повторяются повсеместно. Всем известным культурам присуща способность пользоваться выражением «Я» в различных контекстах (там же: 75).

Индивид, идентичность которого является в меру постоянной, обладает чувством биографической непрерывности, т. е. он может рефлексивно воспринять течение собственной жизни и рассказать о ней более или менее исчерпывающее другим. Этот индивид выработал в себе защитный кокон, который в ситуациях повседневной жизни изолирует его от влияния факторов, способных нарушать целостность его идентичности и угрожать чувству собственной ценности. И, наконец, такая личность способна признать собственную ценность. У нее достаточно уважения к себе самой, чтобы сохранять ощущение, что она живет, т. е. рефлексивно контролирует действительность, а не является только ее безвольным элементом. Гидденс признает эффективным методом анализа идентичности личности рассмотрение примеров тех индивидов, которые чувствуют, что их идентичность разбита и слаба. Они могут не ощущать последовательной биографической непрерывности и не обретать прочного ощущения того, что живут (там же).

Экзистенциальный вопрос об идентичности личности связан с непрочностью субъективно конструируемой биографии. Идентичность зависит от способности человека поддерживать непрерывность определенного нарратива. Чтобы он мог повседневно поддерживать нормальные взаимоотношения с другими людьми, его биография должна быть правдивой и не может быть полностью фикцией. Человек включает в нее также текущие события, происходящие во внешнем мире, из которых он составляет непрерывную «историю» о себе (там же: 77).

Гидденс связывает стабильное чувство собственной идентичности индивида с наличием чувства *онтологической безопасности*. Он определяет онтологическую безопасность как «конфиденциальность или доверие, которые являют собой природный и социальный миры, включая базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности» (Гидденс, 2003: 499). Основу онтологической безопасности составляет автономность человеческой деятельности в рамках предсказуемой рутины социальных действий и взаимодействий. Рутинность не возникает вдруг. Она возникает в результате рефлексивного мониторинга деятельности, осуществляемого в условиях соприсутствия (там же: 116). Гидденс подчеркивает, что стабильное чувство собственной идентичности индивида зависит, например, от признания действительными вещей и других людей, но не является простым их следствием. Это чувство непрочно, поскольку биография, которую личность в состоянии рефлексивно вызвать, представляет собой только одну из множества историй развития ее «я», которые она может рассказать. Оно солидно, поскольку с ним можно, не опасаясь, противостоять напряженности и изменениям социальной среды, в которой личность вращается (Giddens, 2001: 77).

Как и в случае других областей экзистенциализма, «содержание» идентичности личности, черты, из которых строятся биографии, культурно и социально дифференцированы. Во многих отношениях это очевидно. Например, то, как зовут данного индивида, представляет собой основной элемент его биографии, а способы названия индивида в зависимости от степени родства или от конкретного этапа его жизни определяются культурными традициями. Имеются также другие, более тонкие, но более значимые различия.

В своей теории социальной идентичности Гидденс не упускает проблему *телесности*, которая включает важнейший аспект идентичности. Термин «тело» он представляет просто. «Тело — это место, в котором, к счастью или несчастью, пребывает человек, это источник его хорошего самочувствия и удовольствий, но одновременно — это объект болезней и состояний напряженности» (там же: 137). Стоит заметить, что Гидденс первым в теоретической социологии обратил внимание на «телесную конституцию» человека, которая ограничивает как его действия во времени и пространстве, так и восприятие реалий (Ядов, 2003).

Гидденс выделяет несколько аспектов телесности, имеющих особое значение для «Я» и идентичности личности. Внешний вид тела включает в себя все внешние черты, в том числе и одежду, и украшения, которые для данной личности и других индивидов заметны и, как правило, служат указанием для интерпретации ее поведения. Поведение определяет то, как индивид использует внешний вид в типичных повседневных ситуациях. Это означает способ использования тела в рамках традиций, из которых состоит повседневная жизнь. Чувственность тела представляет собой способ восприятия удовольствия и боли. И наконец, тело подвергается различным режимам. С точки зрения Гидденса, определенный внешний вид тела и поведение приобретают четко выраженное особое значение с наступлением модернизма. В культурах периодов, предшествующих модернизму, внешний вид, как правило, устанавливался традициями. Например, использование украшений и подкрашивание лица имели целью выделить человека, но пределы, в каких употреблялись такие средства, для этих целей были ограничены.

Важным аспектом проблемы самоидентичности в условиях высокоразвитой современности Гидденс считает *переломные моменты*. Ссылаясь на Гофмана (Goffman, 1972: 154), он рассматривает в качестве переломных событий или обстоятельств такие, которые имеют особые последствия для индивида или группы. К ним относятся нежелательные последствия, возникающие в случае риска с широким радиусом действия, т. е. риска, которому подвергается жизнь большого количества людей, и некоторых видов индивидуального риска. Переломные моменты — это такие ситуации, в которых люди призваны принимать решения, особо важные вследствие того, что они связаны с уровнем притязаний этих людей или, вообще говоря, повлияют на их жизнь. Переломные моменты можно воспринимать и через более широкие категории свойств действий, которые человек осуществляет повседневно. Большая часть повседневной жизни не влечет за собой никаких последствий и не имеет существенного значения для общих целей, которые ставит себе личность. Однако некоторые виды действий, связанные, например, с работой по специальности, имеют, по убеждению личности, более серьезные последствия, чем остальные (Giddens, 2001: 154).

Гидденс вслед за Гофманом обращается и к анализу проблемы «убить время» (Goffman, 1972). Время, которое «убивают», как он уточняет, называется также «свободным» временем. Это существующее между более важными промежутками жизни время, которое необходимо чем-то заполнить. Индивид, который имеет полчаса времени между одним занятием и другим, может почитать газету или решить побездельничать вместо того, чтобы провести его с пользой. Время, которое «убивают», отдельно от остальной жизни индивида и (если не случится ничего особенно) не оказывает на нее никакого воздействия. В отличие от этого многие действия с важными для жизни индивида последствиями происходят автоматически. Боль-

шинство действий как в официальных, так и в неофициальных промежутках действительности не вызывает иных трудностей, кроме возможных при выполнении определенных задач. Другими словами, постоянно нужно принимать трудные решения, но это происходит с помощью приемов, выработанных для успешного осуществления выполняемых действий. Однако может случиться и так, что какая-либо ситуация одновременно может быть чревата последствиями и проблемами. Именно такие ситуации и эпизоды, по Гидденсу, и являются переломными. С переломным моментом человек имеет дело тогда, когда события концентрируются таким образом, что он стоит как бы на перепутье или же узнает о чем-то таком, что имеет большие последствия для его жизни. К переломным моментам относятся принятие решения о браке, само бракосочетание, а впоследствии, возможно, решение о раздельном проживании или фактическое расставание. Можно привести и другие примеры: сдача экзаменов, решение поступить на какие-либо профессиональные курсы или выбор высшего образования, смена работы, ознакомление с результатами медицинского обследования, потеря большой суммы денег в азартной игре или выигрыш в лотерее. Часто переломные моменты возникают из случайного стечения обстоятельств. Но нередко они сознательно провоцируются, как, например, в ситуации, когда человек решается вложить все свои сбережения в собственный бизнес. Как в жизни людей, переломные моменты существуют и в жизни сообществ. Это периоды временного хаоса, когда данный порядок вещей изменяется вследствие воздействия каких-то ключевых событий.

Гидденс отмечает, что переломные моменты, а скорее некая категория возможностей, которые индивид считает переломными, имеют особую связь с риском, когда люди испытывают свою судьбу (Giddens, 2001). В прежние времена в таких случаях обращались к оракулу или просили расположения у богов. Теперь люди чаще прибегают к помощи экспертов. Нередко именно экспертиза позволяет судить, является ли данная ситуация переломной, как это бывает, например, в случае медицинского диагноза. Эксперты, однако, дают однозначные указания, как действовать, в сравнительно небольшом количестве ситуаций. Сведения, поступающие из абстрактных систем, могут помочь в оценке риска, но он по-прежнему касается самого человека, который принимает решения. Такие решения почти всегда трудны вследствие сопровождающих их сомнений и ответственности за их последствия.

Гидденс поясняет, что переломные моменты угрожают защитному кокону, который дает индивиду чувство онтологической безопасности. Ситуация «все по-старому», существенная для его поддержания, должна выйти навстречу новому с ощущением, что данное решение или отражение действий неотвратимы и, во всяком случае с этого момента, трудно уже вернуться к прежней жизни. Переломные моменты необязательно связаны с вероятностью того, что дела приобретут плохой оборот, т. е. с ситуациями с высокой вероятностью проигрыша. Риск считается опасным скорее вследствие своего масштаба. Преодоление таких моментов может давать человеку множество новых шансов.

В основе рефлексивного проекта самоидентичности Гидденс видит внутреннюю референтность общественных систем в условиях высокой современности (там же: 200–203). Он полагает, что жизненный путь личности также обретает референтность. Происходит как бы «изъятие» пространства жизни личности как отдельной и замкнутой траектории окружающих ее событий следующим образом. Индивиду-

альное жизненное пространство становится самостоятельным, оторванным от цикла поколений промежутком времени. Оно выделяется из внешних определителей, связанных с местом, а само понятие места теряет значение по причине развития высвобождающихся механизмов. Пространство жизни все более освобождается от внешних определителей, связанных с ранее существовавшими связями индивида с другими людьми и группами (например, родственные связи). Жизнь конструируется вокруг «открытых порогов опыта», которые заменяют собой прежние ритуальные переживания. В современном обществе исчезают ритуалы, связанные с самыми важными этапами жизни человека: рождение, созревание, супружество и смерть. Утрачивается ритуал психической поддержки человека в трудной переходной ситуации. Современность возлагает на индивида ответственность за принимаемые решения, совершаемые поступки и их последствия, предвидение необходимости преодоления и разрешения субъективных кризисов.

Поясняя специфику идентичности в «разреженной» атмосфере позднего модерна, Гидденс формулирует *экзистенциальные и нравственные дилеммы «Я» позднего модерна. Во-первых, унификация и фрагментация*, которые разделяют, но одновременно и унифицируют. Начиная с уровня личности и кончая целыми планетными системами, объединительные тенденции конкурируют с тенденциями к рассеиванию. В случае идентичности проблема унификации касается защиты и реструктуризации идентификационного нарратива с учетом крупных однозначных и неоднозначных перемен, вызванных к жизни современностью. В предшествовавшие ей эпохи фрагментация опыта не была столь влиятельной на идентификационные процессы. В современной жизни появляется бесконечное множество возможностей, которые мир раскрывают перед человеком (там же: 258–259).

Гидденс обращает внимание на то, что «мир» не является существующим вне личности идеальным пространственно-временным порядком. Существует множество каналов и источников, через которые мир проникает в сферу ее бытия. Не стоит, однако, воспринимать «внешний» мир как причину отчуждения и эксплуатации только потому, что общественные системы либо велики, либо удалены от индивида. Эти качества мира могут с равным успехом служить унификации, а фрагментация не является единственным способом их воздействия на социальную идентичность. Индивид вынужден лавировать между множеством событий и форм опыта. Отдаленные события могут быть ближе, чем то, что действительно происходит поблизости, и могут входить в состав структур личного опыта. То, что происходит здесь и сейчас, может быть более неуловимым, чем касающиеся миллионов крупномасштабные события. Гидденс приводит несколько примеров. «Кто-то, говорящий по телефону с человеком, находящимся на расстоянии тысяч километров, в данный момент более поглощен реакцией своего далекого собеседника, чем присутствием других лиц, находящихся в том же помещении. Кто-то другой лучше знает внешность, особенности и манеру поведения политического лидера, чем собственного соседа. Кто-то может знать причину всеобщего потепления, но не то, почему течет кран в его доме» (там же: 259). Но отдаленные либо крупномасштабные события не обязательно становятся элементами идентичности личностей.

Гидденс замечает, что в современных условиях складывается множество контекстов взаимодействия и человек действует во многих социальных окружениях и ситуациях, каждая из которых требует различного «соответствующего» поведения. Фрагментация усиливает сложности идентификации. Переходя из одной ситуации

в другую, индивид внимательно приспособливает свою «самопрезентацию» к ее специфическим условиям. Часто полагают, что это означает следующее: личность имеет столько идентичностей, сколько существует различных контекстов взаимодействия. Однако Гидденс считает ошибочным восприятие разнообразия контекстов только в категориях неизбежной фрагментации идентичности, не говоря уже о дезинтеграции в отношении множества различных «я». Так же успешно фрагментация может, по крайней мере в определенных условиях, способствовать интеграции идентичности. Он утверждает, что личность может пользоваться разнообразием для создания собственной исключительной идентичности, единый нарратив которой будет включать в себя элементы, вынесенные из разных ситуаций.

С проблемой унификации и фрагментации Гидденс связывает определенные патологии, когда идентичность строится без учета относительности контекста или, наоборот, размывается в разнообразных контекстах действия. Гидденс обращает внимание на то, что подлинную идентичность может заменить фальшивая идентичность, которая может взять верх и заслонить подлинные мыслительные акты, чувства, желания и мотивацию личности. То, что остается от подлинной идентичности, представляется пустым и неподлинным. Но эту пустоту не могут заполнить «псевдоидентичности», которые личность принимает на себя в различных контекстах, так как они настолько соответствуют внутренним убеждениям личности, насколько вызваны реакцией других. Принимая идентичность, личность испытывает чувство безопасности только в такой степени, в какой другие считают ее поведение соответствующим или разумным.

Другой дилеммой самоидентичности Гидденс называет оппозицию бессилие — контроль (там же: 261). Он отмечает, что, в отличие от традиционного порядка, в котором личность подчиняла себе многие воздействия, формировавшие условия ее жизни, в эпоху модерна в контроле над такими воздействиями она приняла на себя внешние факторы. Над дилеммой бессилие — контроль также тяготеют патологии. Когда ощущение бессилия угнетает личность в главных сферах переживаемой ею действительности, можно говорить о процессе поглощения. Личность чувствует, что ее подчиняют себе наступающие внешние силы, перед которыми она не в состоянии устоять или через них переступить. Она ощущает на себе преследование со стороны неотвратимых сил, которые лишают ее самостоятельности в поступках, или в бессилии мечется, подхваченная вихрем событий. Противоположным полюсом разделения бессилие — контроль является всемогущество. Это состояние Гидденс относит к состоянию фантазирования, когда индивид достигает ощущения онтологической безопасности благодаря иллюзии доминирования. Ему кажется, что он доминирует над переживаемой действительностью, как над театром марионеток. В качестве защитного механизма всемогущество непрочно и часто психически связано с противоположным полюсом схемы «бессилие — контроль». Другими словами, в критических ситуациях оно может перейти в свою противоположность — поглощенность.

Третья дилемма самоидентичности касается оппозиции авторитет — неопределенность (там же: 265). Гидденс поясняет, что во многих сферах общественной жизни в эпоху позднего модерна ощущается отсутствие неоспоримых авторитетов, в том числе и в сфере идентичности. Но зато значительно больше, чем в предшествующие времена, появляется источников, препятствующих быть авторитетами. Прежде сама традиция была главным источником авторитета, который не был связан ни

с одним особым общественным институтом, но множеством нитей пронизывал общественную жизнь. Традиция, хотя и размытая, была, по существу, однозначным авторитетом. Хотя в рамках великих культурных эпох, предшествующих модернизму, могли происходить столкновения между контролирующими традициями, традиционные взгляды и способы поведения априори исключали другие возможности. В ситуации отсутствия авторитета рефлексивный проект самоидентичности колеблется между определенностью и неопределенностью.

Четвертая дилемма самоидентичности позднего модерна сформулирована Гидденсом как *индивидуальные формы опыта и товарно-потребительские формы опыта*. В этих условиях выстраивания нарратива «Я» нужен личный контроль потребления с учетом навязывания потребительских стандартов в современных обществах.

Гидденс обращает внимание на обстоятельства возврата вытесненного содержания (там же: 276). В переломные моменты люди сталкиваются с необходимостью противостоять обстоятельствам, которые, как правило, удерживаются вдали от их сознания четко действующими, рефлексивно структурированными абстрактными системами. Возврат вытесненного содержания может проходить как пропагандирование идеи открытия различных закрытых общественных институтов. Например, попытки исправлять заключенных в обществе, а также попытки лечить психически больных людей с помощью факторов среды (социума) имеют под собой и экономическую, и нравственную основы. На первый взгляд открытие закрытых общественных институтов представляется только «нормализацией» отклонений, т. е. действием с целью сблизить виноватого и нормальных людей. Но это, однако, может иметь противоположное значение и вызвать у «нормальных» индивидов желание уклоняться от потенциально волнующих экзистенциальных вопросов, которые задают те, которые не вписываются в основные нормы, регулирующие общественную жизнь. Возврат вытесненного содержания обнаруживается также в повышении интереса к восстановлению традиций, что является как бы ответом на требования изменяющихся современных общественных условий. Несмотря на свой фрагментарный характер, элементы традиций, разумеется, сохранились во многих областях современной жизни, хотя часто их влияние имеет избирательный характер.

Гидденс видит важную задачу жизненной политики в создании нравственно оправданных форм социальной действительности, которые будут способствовать самоактуализации «Я».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема идентичности широко представлена в современном российском научном дискурсе (Гришина, 2003; Крылов, 2012; Луков, 2019ab; Федотова, 2012, 2014; Ядов, 1994; и др., а также энциклопедическое издание: Идентичность: Личность, общество..., 2017). Дальнейшему развитию исследований динамики идентичности может способствовать новое прочтение авторитетных работ как отечественных, так и зарубежных авторов. Особого внимания достойны труды современного английского социолога Э. Гидденса.

Гидденс рассмотрел проблемы «Я» и общества в эпоху поздней современности в контексте ее динамизма. К основным факторам динамизма современности отнесены разделение пространства и времени, действие «высвобождающих механизмов» и институциональная рефлексивность. Гидденс определил самоидентичность как

рефлексивный проект индивида в категориях биографии и сформулировал экзистенциальные и нравственные дилеммы «Я» позднего модерна (унификация и фрагментация, бессилие и контроль, авторитет и неопределенность, индивидуальные и товарно-потребительские формы опыта). В социологии Гидденса представлены оригинальные теоретические положения, обладающие эвристическим потенциалом для осуществления дальнейших исследований влияния социальных перемен на социальную идентичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гидденс, Э. (2002) Новые правила социологического метода // Теоретическая социология; Антология : в 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит. ; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет». Ч. 2. 424 с. С. 281–318.

Гидденс, Э. (2003) Устройство общества: Очерк теории структуриации. М. : Академический Проект. 528 с.

Гришина, Е. А. (2003) Идентичность гражданская // Социологическая энциклопедия: в 2 т. М. : Мысль. Т. 1. А–М. 693 с. С. 336–338.

Идентичность: Личность, общество, политика (2017) : энциклопедич. издание / отв. ред. И. С. Семенов / ИМЭМО РАН. М. : Весь мир. 992 с.

Крылов, А. Н. (2012) Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М. : Изд-во НИИ. 306 с.

Луков, В. А. (2019а) Применимость тезаурусного подхода в философии и социологии культуры, культурологии и в других социальных и гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 175–183. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.16

Луков, В. А. (2019b) Тезаурус в лингвистике и социологии // Ученый совет. №10 (178). С. 60–67.

Федотова, Н. Н. (2012) Изучение идентичности и контексты ее формирования. М. : Культурная революция. 200 с.

Федотова, Н. Н. (2014) На пути к процессуальной теории идентичности // Философские науки. №11. С. 70–81.

Ядов, В. А. (1994) Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. №1. С. 35–52.

Ядов, В. А. (2003) Гидденс Энтони // Социологическая энциклопедия : в 2 т. М. : Мысль. Т. 1. А–М. 693 с. С. 210–211.

Giddens, A. (2001) Nowoczesność i tożsamość: «Ja» i społeczeństwo w epoce późnej nowoczesności. Warszawa : Wyd. Naukowe PWN. 322 s.

Goffman, E. (1972) Interaction Ritual. London : Allen Lane. 270 p.

Дата поступления: 10.01.2020 г.

SELF-IDENTITY IN A. GIDDENS'S SOCIOLOGY AS A REFLEXIVE PROJECT OF AN INDIVIDUAL WITHIN THE CATEGORIES OF BIOGRAPHY

A. I. KOVALEVA, N. A. PERINSKAYA
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The article considers A. Giddens's sociological analysis of the issue of self-identification of an individual in the context of modern times. The sociologist substantiated a number of important theoretical concepts enhancing the ability of theoretical sociology to reflexively conceptualize objective social processes. He formulated logical grounds for understanding the nature of correlations within the modern society, thus having minimized the divide between the social subject and social object.

The key factors of today's dynamics include the differentiation between space and time, the activity of «release mechanisms», and institutional reflexivity. Giddens defined self-identity as a reflexive

project of an individual within the categories of biography, and formulated the existentialist and moral dilemmas of the ego of the late modernist era (unification and fragmentation, powerlessness and control, authority and uncertainty, individual and product-consumptive forms of experience).

Keywords: social identity; self-identity; identity; individual; reflexive project; social institution; social norm; modernity; A. Giddens

REFERENCES

Giddens, E. (2002) *Novye pravila sotsiologicheskogo metoda*. In: *Teoreticheskaja sotsiologija; Antologija* : in 2 vol. / ed. by S. P. Ban'kovskaya. Moscow, Knizhnyi dom «Universitet». Vol. 2. 424 p. Pp. 281–318. (In Russ.).

Giddens, E. (2003) *Ustroenie obschestva: Oчерk teorii strukturatsii*. Moscow, Akademicheskii Proekt. 528 p. (In Russ.).

Grishina, E. A. (2003) *Identichnost' grazhdanskaia*. In: *Sotsiologicheskaja entsiklopedija* : in 2 vol. Moscow, Mysl'. Vol. 1. A–M. 693 p. Pp. 336–338. (In Russ.).

Identichnost' : Lichnost', obschestvo, politika (2017) : entsiklopedich. izdanie / ed. by I. S. Semenenko. Moscow, Ves' mir. 992 p. (In Russ.).

Krylov, A. N. (2012) *Religioznaja identichnost' . Individual'noe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostranstve*. Moscow, Izd-vo NIB. 306 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. (2019a) *Primenimost' tezaurnogo podkhoda v filosofii i sotsiologii kul'tury, kul'turologii i v drugih sotsial'nykh i gumanitarnykh naukakh. Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 175–183. (In Russ.). DOI: 10.17805/zpu.2019.2.16

Lukov, V. A. (2019b) *Tezaurus v lingvistike i sotsiologii. Uchenyi sovet*, no. 10 (178), pp. 60–67. (In Russ.).

Fedotova, N. N. (2012) *Izuchenie identichnosti i konteksty ee formirovaniia*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia. 200 p. (In Russ.).

Fedotova, N. N. (2014) *Na puti k protsessual'noi teorii identichnosti. Filosofskie nauki*, no. 11, pp. 70–81. (In Russ.).

Iadov, V. A. (1994) *Sotsial'naja identifikatsiia v krizisnom obschestve. Sotsiologicheskii zurnal*, no. 1, pp. 35–52. (In Russ.).

Iadov, V. A. (2003) *Giddens Entoni*. In: *Sotsiologicheskaja entsiklopedija* : in 2 vol. Moscow, Mysl'. Vol. 1. A–M. 693 p. Pp. 210–211. (In Russ.).

Giddens, A. (2001) *Nowoczesność i tożsamość: «Ja» i społeczeństwo w epoce późnej nowoczesności*. Warszawa : Wyd. Naukowe PWN. 322 p.

Goffman, E. (1972) *Interaction Ritual*. London, Allen Lane. 270 p.

Submissiondate: 10.01.2020.

Ковалева Антонина Ивановна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского гуманитарного университета. Академик Международной академии наук (IAS, Австрия). Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 3. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Эл. адрес: socio-mosgu@mail.ru

Перинская Наталья Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 3. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Эл. адрес: socio-mosgu@mail.ru

Kovaleva Antonina Ivanovna, Doctor of Sociology, Professor, Head, Department of Sociology, Moscow University for the Humanities, Member, International Academy of Sciences (IAS, Austria). Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-60-21. E-mail: socio-mosgu@mail.ru

Perinskaya Natalya Alekseyevna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-60-21. E-mail: socio-mosgu@mail.ru